

кансісторыі па скасаванні шлюбу адлюстраваліся трансфармацыі ў грамадстве (выкарыстанне некананічных прычын у прашэннях, зварот у дзяржаўныя органы ў мэтах разрыву сямейных адносінаў). Зыходзячы з адзначанага, відавочна зніжэнне актыўнасці Магілёўскай кансісторыі як органа адміністрацыйна-тэрытарыяльнага кіраўніцтва і духоўнага суда пад уплывам грамадска-палітычных падзей 1917—1918 гг., што ў выніку прывяло да яе ліквідацыі.

Бібліяграфічны спіс

1. Антановіч, З. В. *Архівы Магілёўскай і Мінскай рымска-каталіцкіх кансісторый: гісторыя, структура, склад дакументаў (1782—1918 гг.)* / З. В. Антановіч. — Мінск: Экоперспектива, 2016. — 226 с.
2. *Католическая церковь накануне революции 1917 года: сборник документов / Сост. и отв. ред. М. Радван.* — Люблин: Научное общество Католического университета в Люблине, 2003. — 671 с.
3. *Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ).* — Ф. 1781. Воп. 5. Спр. 732.
4. *НГАБ.* — Ф. 1781. Воп. 5. Спр. 746.
5. *НГАБ.* — Ф. 1781. Воп. 18, 19.
6. *НГАБ.* — Ф. 1781. Воп. 19. Спр. 188.
7. *НГАБ.* — Ф. 1781. Воп. 26. Спр. 1502.
8. *НГАБ.* — Ф. 1781. Воп. 26. Спр. 1503.
9. *НГАБ.* — Ф. 1781. Воп. 28. Спр. 142.
10. *НГАБ.* — Ф. 1781. Воп. 28. Спр. 143.
11. *НГАБ.* — Ф. 1781. Воп. 28. Спр. 173.
12. *НГАБ.* — Ф. 1781. Воп. 28. Спр. 174.
13. *НГАБ.* — Ф. 1781. Воп. 28. Спр. 9.
14. *НГАБ.* — Ф. 1781. Воп. 32. Спр. 212.
15. *Управление духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных.* — Кн. 1. *О управлении духовных дел христиан римско-католического и армяно-католического исповеданий // Свод законов Российской империи / Сост. Н. П. Балканов, С. С. Войт, В. Э. Герценберг / Под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского.* — Санкт-Петербург: Русское книжное товарищество «Деятель», 1896. — Т. XI. — С. 1172—1202.
16. *Directorium Divini officii et Missarum pro Archidioecesi Mohiloviensi nec non pro Dioecesi Minscensi in annum domini 1917.* — Piotrogrod: Druk «Tow. Sztuki Drukarskie w Piotrogrodzie», 1916. — 181 s.

**Богданович Алексей Борисович,
Денисов Антон Владимирович,
Сергеев Всеволод Николаевич**

Университет гражданской защиты МЧС Беларуси (Минск, Беларусь)

ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ БЕЛОРУСОВ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТРЯСЕНИЙ

Вопрос этнической и национальной идентичности нередко приобретает особую актуальность в период революционных событий. Не стала исключением и наша страна. До настоящего времени проблема этнического «измерения» революционных событий на территории Беларуси вряд ли может считаться раскрытой полностью. Среди причин подобного положения вещей

и некоторая «периферийность» этнического в структуре социальных процессов 1917 г., и особый статус подобной тематики в отечественной историографии советского периода, долгое время не имевшей «...статуса самостоятельной научной проблемы» [6, с. 42]. Этнонациональное измерение революционных процессов рассматривалось через призму доминирующей методологии, предусматривающей анализ подобных феноменов с использованием концепта «общественное сознание» (и, соответственно, «самосознание», в противовес, например, «идентификации»), что, впрочем, не снижает эвристической значимости полученных результатов.

В частности, значительное внимание вопросам этнического самосознания уделялось в работах Ю. В. Бромляя. Автор высказал мысль о включении национального самосознания в число признаков этноса. Он же в своей монографии «Очерки теории этноса» подчеркивал, что кроме этнонима, этнос может иметь самоназвание (эндоэтноним), а также целый ряд названий, данных ему представителями иных этнических групп (экзоэтнонимы) [2, с. 13]. Он же писал, что нередко осознание этнической принадлежности многозначное. В одних случаях, оно может быть неустойчивым в полиэтнических семьях, в других — на него прямо влияет «смена» этнической принадлежности в результате общественных трансформаций, в третьих — проявление иерархической структуры по этническому признаку.

В научном отношении актуальность упомянутой темы обусловлена сохраняющейся противоречивостью историографических позиций по вопросам предпосылок и развитием в XIX — начале XX в. этнического самосознания белорусов. Среди отечественных исследователей эту проблему разрабатывали: В. К. Бондарчик, П. И. Бригадин, Г. Я. Голенченко, М. Я. Гринблат, А. Г. Кохановский, И. А. Марзалок, Т. М. Микулич, Л. И. Науменко, М. Ф. Пилипенко, П. В. Терешкович, И. А. Юхо и др.

Современные белорусские исследователи И. В. Чаквин и П. В. Терешкович определили этническое самосознание как один из ключевых объединяющих факторов и основным показателем уровня консолидации различных территориально-этнографических групп [6, с. 45]. Ученые указывали, что высшей формой проявления этнического самосознания является именно этноним. Последний распространяется на демографический массив народа параллельно росту информационных связей между различными частями этноса в результате процессов консолидации.

Продолжая, И. В. Чаквин и П. В. Терешкович подчеркивали, что этническое самосознание выражается также и в форме осознания общности происхождения всех представителей этноса, патриотизме, чувстве национального достоинства [6, с. 47]. Различные социальные и территориальные группы в период Нового времени осознавали этническую принадлежность по-разному, причем наиболее концентрировано этническое самосознание проявляется в случае контактов на межэтническом пограничье, в полиэтнической среде, в условиях, когда возможно сравнение и сопоставление. «В моноэтнических, например, сельских зонах этническое самосознание было не столь актуально» [6, с. 50].

Тем самым, проблема этнического самосознания белорусов в период революции может быть рассмотрена с учетом минимум трех факторов: наличие устойчивого эндоэтнонима; степень осознания общности (в историче-

ской и пространственно-географической перспективах); характер социальной среды (полизничность, конкурентность, конфликтность и т. п.), способствующей активной самоидентификации либо ограничивающей ее.

Что касается первого фактора, считается доказанным, что к моменту революционных событий эндоэтноним «белорусы» получил достаточно широкое распространение во всех слоях этноса. Этому безусловно способствовало развитие национально-демократического движения и постепенное становление современных институтов государственного управления (либо, как минимум, формирование готовности наиболее активных слоев населения к их принятию).

Второй фактор, т. е. процесс осознания общности, во второй половине XIX в. приобрел особую интенсивность, выйдя за территориально-культурные, сословные и отчасти конфессиональные рамки. Согласно переписи 1897 г. 74 % населения Беларуси считала родным языком белорусский. Причем к белорусам как минимум по данному признаку относили себя 40 % чиновников, 10 % юристов, 60 % учителей и т. п., а среди доминирующего крестьянского сословия самоназвание «белорус» устойчиво вытесняло иные многочисленные формы самоименования («литвины», «чернорусы» и т. п.). Термин «Беларусь» закреплялся за всей этнической территорией белорусов. Впрочем, об окончательном завершении описанного процесса в рассматриваемый период говорить все же не приходится, с учетом распространенности конфессионимов и иных способов самоидентификации [6, с. 47].

Что касается третьего фактора (характер среды), то события первых полутора десятилетий, «увенчавшихся» событиями 1917 г. Не могли не выступить своеобразным «спусковым крючком» для интенсификации этнической консолидации, вышедшей в итоге на уровень проектов национального строительства.

Несмотря на трагичность предшествующих революций событий и крайнюю тяжесть последствий, для многих представителей активных слоев населения происходящее было шансом не просто для реализации своей гражданской позиции, но и государственного и культурного строительства Беларуси. Молодой поэт и писатель Змитрок Бядуля описывал это время совершенно в следующих эпитетах: «Беларускі адраджэнскі рух не здолеў зрабіць таго, што зрабіла імперыялістычная вайна ў працягу двух год. Найлепшым агітатарам у справе абуджэння ад сну беларускіх сялянскіх мас было само жыццё — ненармальнае, выбітае з векавечнай каляі... Гэты бурны час быў найлепшай жывой агітацыйнай кнігай...». Но при этом Бядуля указывал и на то, что у народных масс нет доверия к интеллигенции, что свидетельствует о сложности процессов консолидации: «Выйшла так, што быццам сам народ дайшоў да праўдзівлага сацыялізму, а яго сыны-інтэлігенты зрабіліся «буржуямі». Народ аддзяліў сябе каменнай сцяной ад тых светлых людзей сваіх, якія дзесяткамі гадоў жылі толькі для народа, але гэта каменная сцяна ненадоўга. Народ пазнае праўду і разрушыць гэту сцяну. А інтэлігенцыя, нягледзячы на гэту сцяну, не адышла ад народа» [3, с. 387].

Михась Романович, один из организаторов Минской белорусской ученической грамады, созданной в ноябре 1917 г., давал происходящему следующую оценку: «Рэвалюцыя 1917 г. мела на мяне толькі такі ўплыў, што я пачуў сябе беларусам, у той час калі раней лічыў беларусаў не народам, але народнасцю... Убачыўшы за гэты час, што народу для адраджэння патрэбны імпульсы з боку свядомай інтэлігентнай моладзі, з гэтай прычыны ў восені разам з некалькімі

бліжэйшымі сябрамі ўзяў на сябе ініцыятыву арганізацыі вучняў-беларусаў. Нашым лозунгам было «спазнай самага сябе, каб стаць у абарону сваёй старонкі...» [5, с. 94].

Межпоколенческий и межклассовый раздел проходил не только по восприятию революции, но и по политическим и этнонациональным программам действий. Э. Войнилович вспоминал, что вынужден был прекращать сотрудничество со всеми белорусскими национальными организациями, поскольку их деятельность, начиналась как культурно-просветительская, неизбежно переходила к социалистическим лозунгам [4, с. 256]. Немаловажным является тот факт, что подавляющее большинство молодежи придерживалось социалистических взглядов, отсюда у них не был противоречий с большевиками или эсерами в экономической политике, а только в национальном вопросе. Эти настроения выразил политический и общественный деятель Евсей Канчер на совещании 9 сентября 1918 г. в Москве: «Мы должны быть честными государственными деятелями, чтобы нас не обвинили в авантюризме, и чтобы существование Белорусского Комиссариата не было, по существу, провокацией белорусской идеи...» [1, с. 71—72]. Указанная идейная дифференциация предопределила и расхождения в проектах национального строительства.

Таким образом, революционные события послужили своеобразным детонатором для активизации наиболее пассионарной части белорусского общества — национально ориентированной интеллигенции, преимущественно людей молодого возраста. При этом их положение не только не улучшилось по сравнению с довоенным и дореволюционным периодом, но в условиях хаоса, гражданской войны, германской оккупации, миграций можно говорить о настоящих бедствиях, которые выпали этим людям. Тем не менее, если на личном, бытовом уровне восприятия все они отмечали тяжесть своего положения и неясность будущего, то в общественно-политической и культурно-просветительской сфере деятельности все представители видели шанс для реализации программы национально-культурного возрождения и политического строительства Беларуси.

Библиографический список

1. «Для адстойвання інтарэсаў айчыны». Невядомы дакумент 1918 года па гісторыі беларускай дзяржаўнасці. Прадмова, публікацыя і каментарыі У. Скалабана // Беларуская думка. — № 12. — 2010. — С. 70—75.
2. Бромлей, Ю. В. Этнос и этнография / Ю. В. Бромлей. — М.: Наука, 1973. — 283 с.
3. Бядуля З. Выбраныя творы / Змітрок Бядуля; Уклад., прадм., камент. У. Казберука. — Мінск: Белкніга збор, 2006. — 496 с.
4. Войнилович, Э. Воспоминания /Эдвард Войнилович. Перевод с польского. — Минск: У. Завальнюк, 2007. — 380 с.
5. Ляхоўскі, У. Ад гоманаўцаў да гайсакоў. Чыннасць беларускіх маладзёвых арганізацый у 2-й палове XIX ст. — 1-й палове XX ст. (да 1939 г.) / Уладзімер Ляхоўскі. — 2-е выданне, папраўленае і дапоўненае. — Смаленск: Інбелкульт, 2015—480 с.
6. Чаквін, И. В. Из истории становления национального самосознания белорусов (XIV — начало XX в.) / И. В. Чаквін, П. В. Терешкович // Советская этнография. — 1990. — № 6. — С. 42—54.
7. Энциклапедыя гісторыі Беларусі 6 т. Т. 1. А — Беліца / Рэдкал.: М. В. Біч [і інш.]. — Мінск: БелЭн, 1993. — 494 с.